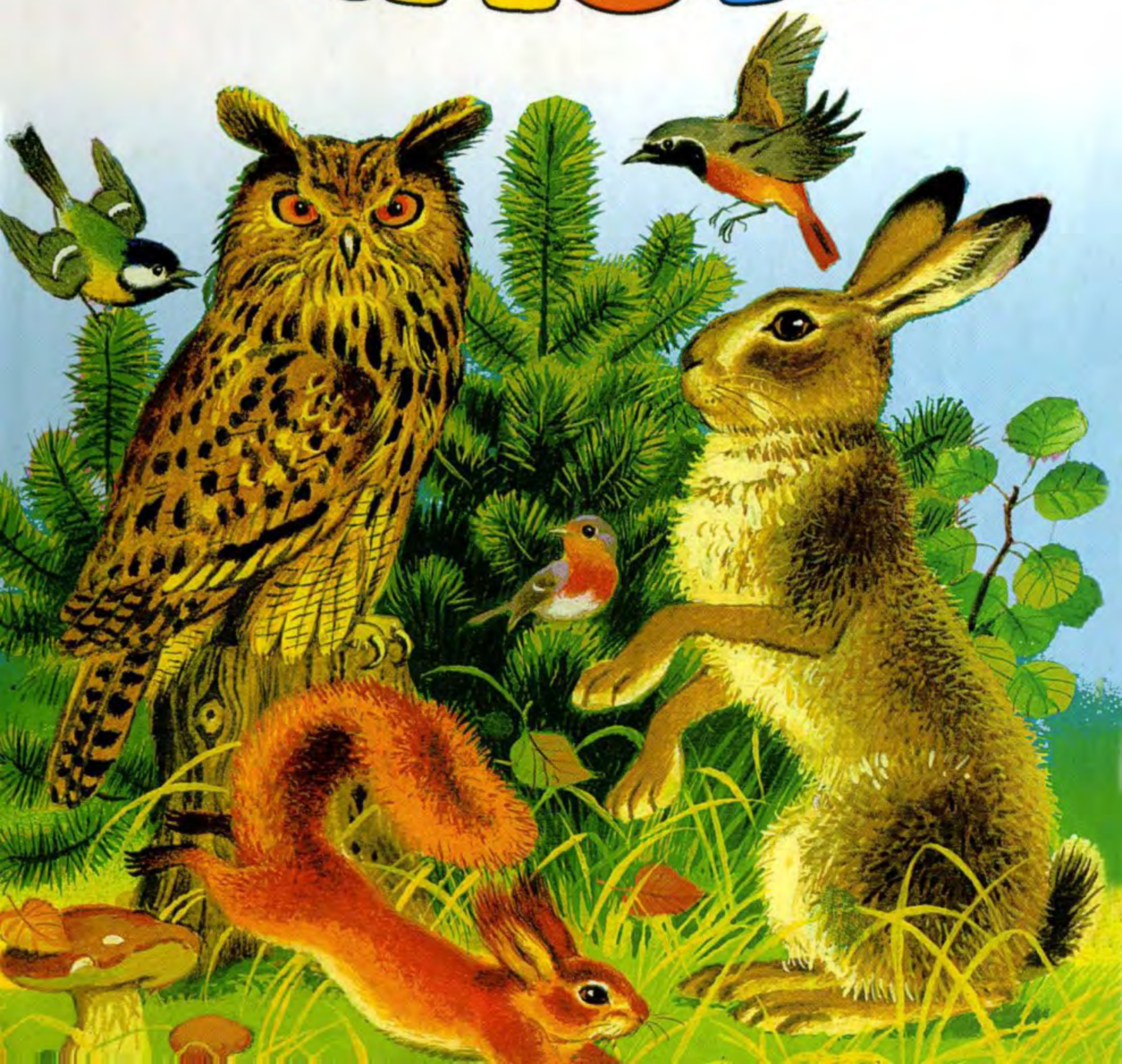

Б И Б Л И О Т Е К А Ш К О Л Ь Н И К А

Николай Сладков

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

Н. Сладков

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

Художник С. БОРДЮГ

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2003

ББК 84 (2)
С47

ISBN 5-94563-345-3

© Насл. Н. Сладкова, 2003
© Илл. С. Бордюг, 2003
© Издательство «Стрекоза-Пресс», 2003

Медведь и солнце

Просочилась в берлогу вода — Медведю штаны промочила.

— Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! — заругался Медведь. — Вот я тебя сейчас!

Испугалась вода, зажурчала тихим голосом:

— Не я, Медведушко, виновата, снег во всём виноват. Начал таять, воду пустил. А моё дело водяное — теку под уклон.

— Ах, так это снег виноват? Вот я его сейчас! — взревел Медведь.

Испугался снег. Заскрипел с перепугу:
— Не я, Медведь, виноват, солнце виновато. Так припекло, так прожгло — растаешь тут!

— Ах, так это солнце мне штаны промочило? — рявкнул Медведь. — Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце ни зубами не схватить, ни лапой не достать. Сияет себе. Снег топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Делать нечего — надо убираться Медведю из берлоги. Поворчал, поворчал, да и покосолапил. Штаны сушить. Весну встречать.

Чья проталина?

Увидела Сорока первую проталину — тёмное пятнышко на белом снегу.

— Тра-та-та! — крикнула. — Никак проталина? — Потом подумала и добавила: — Моя! Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена кой-какие, жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку—греется.

У Сороки глаза разбежались, и клюв уж разинула, а откуда ни возьмись—Грач.

— Здррасьте, уже явилась! И прямо на мою проталину. Некррасиво!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока.— Я первая её увидала!

— Ты увидала,— гаркнул Грач,— а я к ней за тыщу вёрст торопился. Тёплые страны покинул. Не будь её, и меня бы тут не было. Где проталина—там и мы, грачи. Моя проталина!

Прилетел на шум Жаворонок, присмотрелся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы всё ссоритесь. И где — на моей проталине!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Наша проталина!

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок.

Вскочил на кочку, прижмурил глаза,

горлышко у него задрожало — и полилась песня, как снеговой ручеек: зазвенела, забулькала, зажурчала. Сорока и Грач клювы разинули — заслушались.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась. И выглянул Крот:

— Никак в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной пахнет! Весна, что ли, наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач.

— Тебе-то зачем наша проталина? — спросил Жаворонок.

Крот приняхался к Грачу, Сороке и Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна — разве что землю вытолкнуть из норы. Вот вытолк-

ну—и назад. Потому что, чую, плохо у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да к тому же светло и сухо здесь! Брр! Не то что у меня в норе: темно, сыро. Благодать! Да ещё и весна у вас тут какая-то...

— Да знаешь ли ты, что такое весна!— возмутился Жаворонок.

— Не знаю и знать не хочу! У меня под землёй круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются,— сказала Сорока.

— Да вот никак поделить не можем,— напомнил Грач.

— А зачем она вам?—удивился Крот.—Проталина как проталина.

— А семена!—подскочила Сорока.— Ростки зелёные?

— Посидеть, походить, размяться!— гаркнул Грач.— Носом в земле порыться!

— А петь-то как над проталиной хорошо! — взвился Жаворонок.— Сколько в поле проталин—столько и жаворонков над ними. И все поют! Нет ничего лучше нашей проталины.

— А чего вы спорите, раз она ваша? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петь над ней — пусть поёт. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Да, а Сорока в это время до зёрнышка всё склюёт! — закричали Грач и Жаворонок. — Разве так справедливо?

— Тогда сперва ешьте все, — сказал Крот. — А там видно будет.

«И в самом деле, — подумали Грач, Сорока и Жаворонок. — Лучше поесть, чем ссориться. А там видно будет».

Сорока и Грач семена и зёрнышки подобрали, Жаворонок жуков-пауков выловил. Дочиста проталину вычистили. Клювы о траву прошлогоднюю вытерли и огляделись. Тут и в самом деле стало видно, что, пока они спорили, появились в поле другие проталины. И каждая проталина — как скатерть-самобранка. Всё на ней есть — подходи и пируй!

И птицы отправились вслед за весной — от проталины к проталине. Потянулись за ними следы лапок, испачканных рыжей глиной. Весенние птичьи следы на оставшемся ещё снегу.

Зимние долги

Расчирикался Воробей, так и подскакивает! А Ворона как каркнет:

— Чему, Воробей, возрадовался, чего расчирикался?

— Страсть драться охота! — отвечает Воробей. — А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

— А вот испорчу! — не отстаёт Ворона. — Как задам вопрос!

— Во напугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой в птичьей столовой у школы клевал?

— Клевал. Спасибо ребятам, подкармливали.

— То-то! — надрывается Ворона. — А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чикчириканьем?

— А я один, что ли, пользовался? — растерялся Воробей. — И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты, Ворона, была...

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним

из борозды всяких вредителей выбираю. Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Другие, может, и думать забыли, — упирается Воробей.

Но Ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверять. Прилетел в сад, там Синица в новой дуплянке живёт.

— Поздравляю с новосельем! — Воробей говорит. — На радостях-то небось и про долги забыла!

— Не забыла, Воробей, — отвечает Синица. — Меня ребята зимой вкусным сальцем угощали, а я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес, там Дятел стучит. Увидал Воробья, удивился:

— По какой нужде, Воробей, ко мне в лес прилетел?

— Да вот расчёт с меня требуют, — чиркает Воробей. — А ты, Дятел, как расплачиваешься?

— Уж так-то стараюсь, — отвечает Дятел. — Лес от древоточцев и короедов оберегаю.

«Ишь ты, — задумался Воробей. — А я думал...»

Вернулся Воробей и говорит Вороне:

— Твоя правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что — хуже других? Как начну вот птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтобы эти кровососы ребят не кусали! Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять чирикать и подскакивать. Пока свободное время есть. Пока воробьята в гнезде не вылупились.

Клёст и Дятел

— Смотрю, Дятел, на твой нос и сравниваю со своим, — сказал Клёст. — Твой прямой, как стамеска, а мой, как две кривые отвёртки. И всё-таки мой кривой лучше твоего прямого будет.

— И чего в нём, кривом, хорошего? — отвернулся Дятел. — А из-под моего, прямого, только щепки летят!

— В этом-то и беда! — вскрикнул Клёст. — Ты стамеской своей деревья портишь, а я отвёрткой кривой всего лишь чешуйки на шишках отгибаю, семена достаю. Глядишь, одно-другое семечко уроню, — оно и прорастёт. Выходит, я лес сажаю, а ты его рубишь. И лесу, выходит, я друг, а ты — враг. И всё из-за твоего прямого носа!

Дятел от обиды даже долбить перестал.

— Полюбуйся-ка на свои труды! — не унимается Клёст. — Осину исковырял, словно её топором тесали.

— Осина больная была. Я её от сверлильщиков и точильщиков разных спасал. Этим вот самым носом!

— Спасибо, Дятел, — проскрипела Осина. — От смерти спасс — совсем засыхала.

Клёст от удивления клюв свой кривой разинул.

— Но он, долбонос, и здоровые деревья калечит! Вон как Берёзу изрешетил —

словно дробью прострелянная. Вся берёста в слезах.

— Не слёзы это, — прошелестела Берёза. — Просто капельки сока выступили из пробоинок. Пробоинки заплывут, я и думать о них забуду.

— А я не забуду! — пискнула Бабочка-траурница. — Капельки эти весной от голода меня спасли. Спасибо, Берёза!

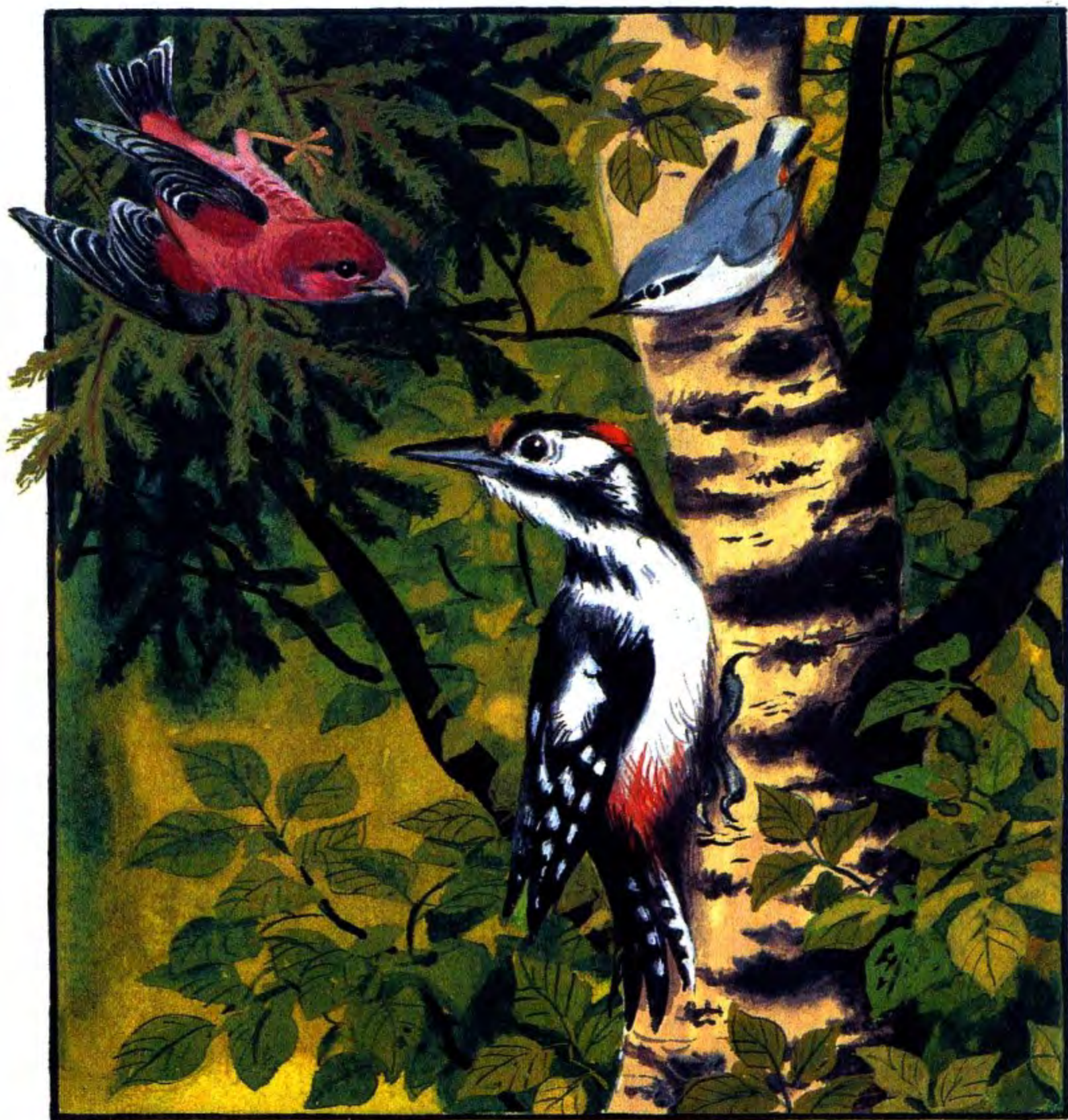
— Спасибо, Дятел, — замахали усиками муравьи. — Целебный берёзовый сок нам силы вернул — очень мы за зиму отощали.

— Спасибо, Берёза и Дятел, — запищали синички белощёкие, долгохвостые и хохлатые. — Славно мы сладким соком поугощались!

Все кричали, пищали, свистели. Только Дятел смотрел на Клеста и молчал.

А Клест не хотел молчать, так и вертел своим кривым носом.

— Ты, — кричит, — глубокие дупла в деревьях выдалбливаешь! А сколько, сколько вас, дятлов, в лесу? Каждый по дуплу — и весь лес дырявый. Я, значит, сажаю, а вы дырявите!

— Чем больше дупел в лесу, — крикнул Поползень, — тем больше нас, дуплогнёздников! А чем больше нас — тем меньше лесных вредителей! А чем меньше лесных вредителей — тем лесу лучше! А чем лучше лесу — тем лучше всем! И тебе, Клёст, тоже!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту.

Клёст только крылышками развёл.

— У-го-годил Дятел и мне! — выкрикнул Сыч. — В дуплах у меня морозильники. Мышей и полёвок зимой замораживаю. Про запас. А от них лесу вред.

— Слыхал? — снова Дятел Клеста спросил.

Тут Синичка-Гаичка пищит:

— Гай, гай, где бы мы, пичужки, в мороз и вьюгу зимой прятались, где бы зимнюю ночь коротали? Спасибо ему, строителю-долбоносу!

— Слыхал? — повернулся Дятел к Клесту.

А того уже и след простыл.

Кто в моём доме живёт?

— Что за миленькое дупло! — вскрикнул Дятел. — Сразу видно — моя работа! Кто-то теперь в нем живёт? Эй, откликнись!

В ответ ни звука. Постучал Дятел носом о порожек дупла. А из дупла — Мышь! Носик острый, глаза навывкате, уши голые. И усы блестят.

— Кто тут стучит — мне спать не даёт? Дятел отшатнулся:

— Мыши в моём доме завелись! Знал бы — дупло не долбил.

— А я ведь, Дятел, совсем не Мышь. Ты хвост мой видел? Хочешь, хвостик тебе покажу? — И высунула из дупла хвост — пушистый! А у мышей, как известно, хвосты голые.

— Так кто же ты, раз не Мышь? — не верит Дятел.

— Соня я. Садовая Соня. Грызун такой.

— Садовая, а в лесу живёшь?

— Где хочу, там и живу.

— Не для тебя я дупло долбил, а для птиц-дуплогнёздников.

— А мне что делать? Я Соня, я спать люблю, а где лучше спать, как не в дупле? Не на земле же валяться, чтоб простуду схватить.

Дятел не знает, что и сказать.

А Соня своё:

— Думаешь, в дуплах твоих одни птицы живут? Проверь! Сама из дупла уйду, если одни птицы.

Полетел Дятел в осинник: там у него больше всего дупел выдолблено. Прицепился к крайнему и закричал:

— Эй, жилец, покажись! Это я, Дятел-домостроитель. Посмотреть хочу, кто в дупле моём поселился.

Высунулось из дупла непонятное — крыло или лоскут? Кожаное что-то, как на спицах распяленное. Что за птица?

— Я зверь, не птица! — стрекочет голос. И показалось тельце — в шерсти! Оскаленный рот с зубами, уши — как лопухи. Дятел от страха даже глаза зажмурил.

— Да не пугайся ты! — стрекочет зверёк. — Я всего лишь Мышка летучая. Спасибо тебе за дупло!

Но Дятел был уже далеко, он в третье дупло стучал. Постучал и насторожился: неизвестно, кто там в дупле притаился?

— Не стучи, не глухая — слышу! — говорят из дупла. — Кто такой?

— А ты кто такая? — Дятел спрашивает. — Бегаешь или летаешь?

— Лазаю я. А ещё бегаю и летаю.

— Ну и жильцы! — ахнул Дятел. — Сони какие-то, похожие на мышей. Мыши какие-то, на птиц похожие. И вот ещё не разбери-пойми — лазает, бегает и летает! И я для таких дупла долбил!

— Не жалея, Дятел, нос — лучше нас пожалея, — слышится из дупла. — Для птиц-дуплогнёздников вывешивают скворечники и дуплянки, а у нас на тебя вся надежда. А для леса от нас — только польза.

— Да назовись ты хоть! — осмелел Дятел. — Или высунись на минутку.

— Ночная я, — глухо слышится из дупла. — Сплю сейчас. Вот вечером прилетай — увидишь. А зовут меня Полету-

хой, Летучей Белкой, а чаще—Летягой. Растопырю лапки, распластаюсь, растяну складочки на боках—и планирую. Всем на удивление!

— Три дупла, а ни одной птицы,— подсчитал Дятел.

Подлетает к четвёртому, хотел прицепиться, а дупло-то... гудит! Сердито гудит—не подходи. Пчёлы в дупле живут. Так и роятся у входа: туда-сюда, туда-сюда! Из дупла резво и налегке, в дупло тяжело—с пыльцой-обножкой*. Теперь это их дупло—попробуй тронь!

Дятел и спрашивать не стал—и так ясно. Не звери, не птицы — насекомые поселились. И тоже не бесполезные: цветы опыляют, мёд собирают. Пусть живут.

— Твоя взяла!—крикнул Дятел садовой Соне.— А я-то думал, что только птиц-дуплогнёздников домами одариваю. А в лесу и другие дуплогнёздники

* Обножка — комочки цветочной пыльцы на задних ножках пчелы: так она приносит пыльцу в улей.

есть. Да какие ещё диковинные: мыши летучие и летучие белки, пчёлы работающие и ленивые сони...

— Может, я и ленивая, — не обиделась Соня, — но дело делаю не хуже других, вредных жуков поедаю. И жильё твоё заслужила.

— Живи! — крикнул Дятел. — Все живите — не жалко, я для всех домики надолблю! — Да как начал стучать — только щепки посыпались. Будет скоро ещё кому-то дупло-квартира. Но кому — пока неизвестно. Пока и сам Дятел о том не знает.

Кто такой?

Увидел Дрозд на пенёчке птенца. Что птенец — сразу видно, а вот чей птенец — непонятно, головастый какой-то, кургузый, рябенький. Таких Дрозд ещё не встречал.

— Ты чей будешь? Кто такой?

А птенец в ответ только глазами моргает. И говорит:

— Не знаю... Маленький я ещё, чтобы знать!

— Маленький, а из гнезда выскочил! — Дрозд говорит. — Зачем выскакивал, коли маленький?

— Захотел и выскочил! — стрекочет птенец.

— Лучше бы знал, как тебя зовут, — обиделся Дрозд.

— Откуда мне знать, как меня зовут, если мне не говорил никто?

— А ты прислушайся к голосам, — говорит Дрозд птенцу. — Сейчас все своих птенцов созывают: тетери тетеревают, утки утят, дрозды дроздят, галки галчат... Может, и тебя родители позовут. Вот и узнаешь, кто ты есть.

Птенец прислушался, повертел головой туда-сюда и задремал.

— Чего же ты никому не отзываешься? — спрашивает Дрозд.

— А кому? — открыл глаза птенец. — Я же не знаю, кто я? Кому же мне откликаться?

«Да, — задумался Дрозд. — Вот это пте-

нец так птенец—безымянный. Первый раз такого встречаю».

— А где ты сидел на дереве—на ветке или в гнезде?

— Ни в гнезде, ни на ветке—в дупле сидел. Темно, и ничего не видно. Высунулся посмотреть и упал...

— Слушай меня внимательно!—Дрозд птенцу говорит.—Вот я—Дрозд. А она—Сорока. А вон на ветке вниз головой висит — Синица. У каждого есть своё имя. А ты кто такой?

— Синичонок он, скорее всего! — говорит Сойка. — Синичата всегда по дуплам сидят. Эй, Синица, тут синичонок сидит — не твой ли выскочил?

Синица перевернулась, глянула быстрым глазом и снова повисла вниз головой.

— Что вы, — пищит, — да он один больше всей моей дюжины!

Тут снова вступился Дрозд:

— Хоть помнишь, какого цвета было яичко, из которого ты вылупился? Или и это не помнишь?

— Как же мне помнить, если я из яич-

ка слепым вылупился? — удивился птенец. — Да и в дупле-то темно.

— И верно... — опечалился Дрозд. — Вот дела...

А Сойка спрашивает:

— А кормил тебя в дупле кто? Их-то уж должен помнить!

— Кормили меня хорошо. А вот кто кормил—не разглядел. Я рот свой так разевал, что ничего перед собою не видел. А проглочу, рот закрою—и нет уже никого!

— Может, ты хоть голоса запомнил? Учили же тебя папа с мамой свистеть! Свистни, мы тебя по голосу и узнаем.

— Голоса я хорошо помню. А вот повторить не могу. Почему-то не получается у меня! Чей же я, а? — захныкал птенец.

Задумались Синица, Сойка и Дрозд. Увидела их Кукушка, подлетела из любопытства.

— О чём, соседи, задумались? — спрашивает.

— Так и так,—отвечают,—птенец тут

ничейный: сам себя не знает, и его не признаёт никто! Не твой ли, случайно, а?

Посмотрела Кукушка на птенца и от-
вернулась:

— Откуда мне знать, я ведь птенцов своих никогда не видела. Мне до птенцов дела нет.

Посмотрел и птенец на Кукушку.

— Нет! — говорит. — Другие меня кормили. Эта какая-то серая и чужая, а у тех, помню, что-то красновато-рыжее было!

И тут появляется Горихвост: рыжеватая грудка, красноватый хвост! И тревожно кричит:

— Фють, цик-цик! — Что значит: «Волнуюсь, сынок у меня потерялся!»

— Есть тут один красноротый, — ответил Дрозд. — Но на твоего совсем не похожий. Неизвестно чей!

Взглянул Горихвост на птенца и обрадовался.

— Фють, цить-цить! — кричит. — Маленький, маленький, мой!

И птенец Горихвоста узнал:

— Так вот кто, значит, я — Горихвост!

И поскорее разинул свой красный рот, чтобы его накормили. Горихвост сел птенцу на голову и сунул в рот большущую гусеницу.

— Ничего себе! — ахнул Дрозд. — Папа втрое меньше сынка! На голове у него сидит!

— А сын-то и впрямь ни в мать, ни в отца... — прошептала Синица.

А было так. Кукушка подкинула горихвостам яйцо — и горихвостки высидели кукушонка. И считают его родным. И он их считает родными. И рады они друг другу и друг без друга никак не могут. А родная Кукушка птенца не признала. И он родную мать не узнал: они ведь никогда не встречались.

Непослушные малыши

Вот и макушка лета — июль. Весенняя суматоха закончилась, осенние хлопоты ещё не начались. В жаркий полдень такая в лесу тишина, что кажется, в нём и

не живёт никто. А если и живёт, то забот не знает. Но так только кажется: лес полон зверей и птиц, а забот у них даже прибавилось.

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают.

— Как так?!—рявкнул Медведь.

— Да уж так! — отвечает Заяц. — Все по-своему норовят. Во все стороны разбегаются.

— Ну что ж, Заяц, пойдём поглядим, что к чему.

Пошли Медведь и Заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой—слышат:

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, я от мамы ушёл, я от папы ушёл!

— Это что ещё за колобок объявился? — рявкнул Медведь.

— И совсем я не колобок! Я взрослый Бельчонок.

— А почему тогда у тебя хвост куцый? Отвечай, сколько тебе годов?

— Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш, медвежий счёт — ровно три года! Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже от медведицы стрекача задал?

— Что правда, то правда! — проворчал Медведь. — Год ещё, помню, за младшим братом присматривал, в пес-тунах-няньках ходил, а потом сбежа-ал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчёлы тогда — посеючас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

— Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

— Это ещё что за поросёнок в лесу? — взревел Медведь.

— Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук.

— Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

— А потому и убежал, что пора! Осень на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

— Твоя правда! Забот у меня зимой мало, — пробурчал Медведь. — Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

— Хоть мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тёти в болоте.

— Слышишь, как похваляется? — зашептал Заяц. — Из дома удрал да ещё и песни поёт!

Рыкнул Медведь:

— Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

— Не рычи, Медведь, сперва узнай, что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

— Как так нельзя? — не унимается Медведь. — Первенцы у матерей завсегда любимчики.

— Мама моя — Водяная Крыса, — от-

вечает Крысёнок. — За лето три раза крысят приносила. Если всем вместе жить — то ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселяйся. Вот как, Медведушко!

Почесал Медведь загривок, посмотрел на Зайца сердито:

— Оторвал ты меня, Заяц, без толку от серьёзного дела! Всполошил по-пустому, всё в лесу идет как тому и положено: старые старятся, молодые растут.

И отправился по малину.

Дупляной Утёнок

Тихо было в лесу, и вдруг крик:

— Помогите, проводите, потерялся!

Прискакал на крик Заяц и видит — Утёнок. Пуховичок. Чёрный с белым. Взъерошенный, перепуганный.

— Откуда в лесу Утёнок?—удивился Заяц.—Как ты сюда с болота попал?

— Потерялся я,—хнычет.—Где дом—не знаю. Помню, откуда-то выскочил, а

откуда — забыл. Проводите меня домой!

Проводить Зайцу нетрудно — но куда? Успокаивает Заяц Утёнка:

— Повезло тебе, что я услышал, а если Лиса? Она бы тебя проводила... А куда тебя провожать? На болото, что ли? Все утки на болоте живут.

— А что такое болото? — спрашивает Утёнок.

— Вот так раз! — воскликнул Заяц. — Утёнок, а не знает, что такое болото! Болото — это вода и кочки.

— А деревья на болоте растут? — спрашивает Утёнок.

— Деревья растут в лесу! — фыркнул Заяц.

— Тогда води меня в лес! — обрадовался Утёнок. — Мой дом на дереве был. Помню, что свысока летел, — как ткнулся носом...

Заяц даже остановился.

— Утки на дереве не живут.

— Я вправду с дерева грохнулся, — говорит Утёнок. — Домой хочу...

— Только не хнычь, Расскажи-ка всё по порядку.

— Сидел я на пуховой подстилке, как на перине,— начал Утёнок.— С братьями и сестрами. Стены, помню, были, а наверху оконце. Так и светится! Я полез посмотреть—и вывалился...

— Не бывает в утиных гнёздах ни стен, ни окон!

— А в моём гнезде были! — не сдаётся Утёнок.

— Значит, ты совсем не Утёнок!

— А кто же я? — удивился Утёнок.

И в самом деле: как же не Утёнок, когда Утёнок! Утиный плоский нос, утиные с перепонками лапы.

— Утки траву на кочке примнут, пуху с себя нащиплют — и дом готов. Я бы такой дом и искать-то не стал,— уговаривает Заяц.

— А мой дом хороший был!—ноет Утёнок.— Хочу домой, хочу домой...

— Цыть ты!—прикрикнул Заяц.— Лиса услышит.

— Лису боюсь, боюсь Лису! Хочу домой, домой хочу...

— Сейчас я тебе все лесные дома со стенами и с окошками покажу—а ты выбирай, который твой.

Идут Заяц с Утёнком по лесу. Заяц впереди. Утёнок — сзади. Подошли к куче валежника. В валежнике темнеет ком моховой в два кулака, сбоку — оконце-дырочка. Заяц нагнулся и спрашивает:

— Не твой ли дом?

— Не мой это дом, не мой!— запищал Утёнок.—Мой деревянный был, высокий!

— Опять за своё? — насупился Заяц.— Не бывает утиных домов деревянных.

— Бывает, бывает! — кричит Утёнок.

Неподалёку на ольхе ещё один дом со стенами и с оконцем. Похож издали на охапку хвороста, а из охапки чей-то хвост торчит длинный.

— И это не мой! — завопил Утёнок.— Домой хочу, домой!

— Да, это дом не его! — высунулась из хвороста носатая голова.—Это мой дом, сорочий. А тот был — Крапивника. Во

всём лесу только у нас с ним гнёзда со стенами и крышей. Да ещё у Ополовника — длиннохвостой синицы.

— Слышал? — нагнулся Заяц. — Только у них такие. А у уток таких не бывает.

— А может, он жил в дупле? — говорит Сорока. — Может, он из дупла вывалился? Эй, ты откуда вывалился такой?

— Утки, Сорока, не дятлы и не скворцы, чтобы по дуплам жить! — рассердился Заяц. — Утки — они водоплавающие, им подавай болото.

— Эй, а плавать-то ты хоть умеешь? — спрашивает Сорока Утёнка. А тот знай своё:

— Хочу домой, хочу домой!

И тут вдруг на крик прилетела... Утка! Тоже тёмная с белым. Посмотрела на Утёнка и крякнула сердито:

— Я его там ищу, а он уже здесь!

Утёнок забыл про Сороку и Зайца — кинулся к Утке. На что уж Заяц быстрый, а еле его догнал. Отдышался и спрашивает:

— Первый раз вижу Утку в лесу! Неужели и вправду твой дом в дупле?

— На самом высоком дереве, — отвечает Утка.

— А как же Утёнок живым остался? — не отстаёт Заяц.

— Все живые! — крикает Утка. — Они у меня — как это? — вроде парашютистов: растопырят крылья и лапки — и планируют.

Навстречу Утке бежит весь выводок. Разобрались в колонну по одному и бегом за Уткой к реке. Хоть и лесные они, а утки! И поплыли, как обыкновенные утки. И стали нырять и плескаться, как обыкновенные утки. Но всё-таки это были совсем не обыкновенные утки! Какие уж обыкновенные, если гнездятся не на болотных кочках, а... в дуплах больших деревьев! Удивительные дупляные утки. Утки-гоголи.

Осень на пороге

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый Ворон. — Осень у лесного порога, все ли к её приходу готовы?

Как эхо, донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы...

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул Ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, уснём до весны!

Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

— Вторым делом, — Ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается Ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!

Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвёртым делом, — гудит Ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, день укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! А будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый Ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел. Летит, а под ним лес разноцветный, пёстрый — осенний. Осень уже перешагнула через порог. Но никого нисколечко не напугала.

Кто куда

Навострил Зайчишка уши — неспокойно что-то стало в лесу. Шорохи крыльев, писки, свисты — все куда-то спешат.

— Эй, мухоловки, кукушки, иволги, — вы куда?

— На юг, Зайчишка, на юг! — отвечают птицы.

— А вы, ласточки, славки, пеночки?

— И мы на юг — пора!

— Что случилось, почему всем вдруг на юг понадобилось?

— А ты забыл, — отвечают птицы, — что сентябрь на дворе, осень уже пришла?

Плохо быть молодым — сеголеткой. Что творится вокруг — не понять. Кого расспросить — неизвестно. «Сентябрь на дворе!» А что такое сентябрь?

— А разве тебе неизвестно, что птицы в сентябре начинают на юг улетать? — щебечут птицы.

— А на юге, значит, сейчас не сентябрь? — спрашивает Зайчишка.

— И на юге сентябрь! — заливаются пичужки. — Сейчас везде сентябрь: на юге и на севере, на востоке и западе.

— Вот и пойми их, — мается Зайчишка. — Если везде сентябрь, зачем же куда-то лететь? Из сентября-то в сентябрь?

— На юге совсем другой сентябрь! — щебечут птицы. — На наш сентябрь совсем не похожий!

— Сентябрь на сентябрь не похож — это надо же! — расстраивается Зайчишка.

— Какой бестолковый Зайчишка! — рассердилась Кукушка. — Южный сентябрь это ещё лето, а наш — уже осень. Наше лето на юг ушло, а к нам с севера осень пришла. Неужели тебе непонятно?

— Что ещё там за осень? — прошептал Зайчишка потерянно. — Всё лето было, и вдруг осень какая-то появилась...

— Не какая-то, а ненастная. Дождь, ветер, холод. А там и зима: снег, мороз и метель. И голод! — рассказывает Кукушка.

Заяц даже зажмурился — холод и голод! Выходит, не зря все на юг удирают. А он не знает даже, в какой тот стороне. Где он, этот юг?

— Юг в южной стороне! — просвистела Иволга. — Если повернёшься головой к северу — позади будет юг.

— А север где? Куда мне головой поворачиваться?

— Повернись головой к югу — позади будет север!

— Так и вертеться мне, да? — захныкал Зайчишка. — Далеко ли хоть до этого вашего юга?

— До Чёрного моря две тысячи, до Средиземного две тысячи с половиной, а до экватора — тысяч семь. Да не прыжков твоих, а километров.

— Целых семь тысяч! — ахнул Зайчишка. — Мне за всю жизнь до юга не доскакать.

— Нашёл, о чём горевать! — хрюкнул Ёжик из-под куста. — Эка невидаль — зима и осень. Я, брат, и с места не тронусь: завалюсь спать и просплю до весны.

— А я, Ёжик, так не умею. По ночам я совсем не сплю, а днём глаз сомкнуть не могу. Надо мной даже все смеются: «Заяц-то с открытыми глазами спит!»

Тут Белка словечко вставила:

— Слушай, Зайчишка, меня. Я ни на юг не убегаю, ни спать на зиму не ложусь. А ни холода, ни голода не боюсь.

— А уж я как боюсь, так уж боюсь! — хнычет Зайчишка. — Научила бы, что мне делать?

— Сплету на ёлке из мха и веток тёплый дом «гайно», — мечтает Белка. — А завтраки мои, обеды и ужины тут же рядом висят. Ты любишь, Зайчишка, еловые шишки?

— Я, Белка, травку люблю, цветочки. Особо капусту заячью...

— Про это ты лучше забудь, — стрекочет Белка. — Привыкай осиновую кору глотать.

— Горькая она, кора-то осиновая! — сморщился Зайчишка. — Горькая и невкусная.

— На морозе она тебе слаще мёда покажется! — Белка кричит. — Но ты

очень-то не огорчайся, не один ты в лесу останешься, вместе не пропадём.

Зайчишка и тому уж рад, что не один зиму зимовать будет.

— Кто ещё с нами? — кричит.

— Тетерева, глухари, рябчики, — перечисляет Белка. — Дятлы, сороки, сойки.

Повеселел Зайчишка.

— Мыши, полёвки, бобры.

— Тоже родственная компания — грызуны! — подскакивает Зайчишка.

— Куницы, лисицы, волки!

— А эти-то нам зачем? — испугался Зайчишка.

— Не трусь, Зайчишка! — верещит Белка. — Главное, ушки на макушке держи.

Не очень-то Зайчишка всё понял, не очень-то во всём разобрался. Но жив останется — разберётся. Ещё и других научит.

Сорока и Дятел

— Всё стучишь, Дятел? — сказала Сорока. — Гляди, Ястреб тебя услышит.

— Стучу, Сорока, стучу, — отвечает Дятел. — А что делать, есть-то надо.

— А вот услышит Ястреб, потом увидит—что тогда? — опять спрашивает Сорока.

— Плохо тогда, Сорока.

— Ну, а если он услышит, а не увидит?

— Хорошо тогда, Сорока.

— Так понял ты теперь, что для тебя самое главное?

— Известно что: шишки долбить, семена глотать.

— Ничего ты, Дятел, не понял! Послушай-ка меня, Сороку. Главное — это чтоб тебя не увидели. Не видят — вроде бы тебя и нет.

— Как же меня нет? — удивился Дятел. — А где же я?

— Ох, молодой, ох, глупый! — рассердилась Сорока. — Вроде бы нет тебя, вроде! Ты есть, а вроде бы нет. Да знаешь ли ты, что такое «вроде»? Летим-ка, я тебе покажу.

Полетели Сорока и Дятел. Летят, смотрят—вокруг никого. Словно вымер лес.

— Учись! — кричит Дятлу Сорока.

— У кого же мне учиться, если нет никого? — отвечает Дятел.

— Вроде, вроде нет никого, а они все тут! — поучает Сорока. — Спрятались все, умеют. Не то, что ты!

Хотел Дятел на коряжку присесть, а та глаза как откроет! Не коряжка это совсем, а Сова затаилась. Вблизи не разберёшь: то ли сучок, то ли коры кусок.

— Догадываешься? — спрашивает Сорока. — Серая на сером— вот и не видно.

— А я чёрно-белый, ещё и шапка красная, — опечалился Дятел. — Куда мне такому деваться?

— Куда бы тебя приспособить? — задумалась Сорока.—Такого разноцветного. Для начала отбросим красную шапку; всё равно она у тебя вылиняет. Останется чёрное с белым. Повернись-ка спиной — чего больше? Вроде чёрного. Ну-ка, присядь на горелый пенё!

Скакнул Дятел на пенё, а пенё под

ним ожил! Замахал широкими крыльями, ущипнул Дятла крепким носом. Это и не пенёк был, а косач-тетерев затаился.

— Сижу, — кричит, — никому не мешаю, а он прямо на спину мне — как снег на голову!

— Какое он у тебя перо-то выщипал? — спрашивает Сорока. — Если чёрное, значит, белого больше теперь — сядь-ка вон на тот сугроб. А я полюбуюсь со стороны.

Дятел плюхнулся на сугроб, а сугроб как подскочит! Это заяц Беляк на первом снегу лежал.

— Загадал я, — верещит, — разглядят меня или не разглядят в новой шубке? Не разглядели. Значит, и Ястреб меня не увидит!

— Слышишь? — стрекочет Сорока. — Ястреб его не увидит, учись!

— Пока научусь — догола ощиплют, — обиделся Дятел.

— И в кого ты такой уродился? — затархтела Сорока. — Ни чёрный, ни белый, не разберёшь какой. Стоп — да ты же в меня уродился! Ха, ха, ха! Ты чёр-

но-белый, и я бело-чёрная. У меня тебе и учиться, а мы, глупые, учителей по всему лесу ищем. Слушай меня внимательно. Зимой можешь вообще не прятаться, зимой лес, как мы с тобой — чёрно-белый, но в остальное время, брат Дятел, поберегись! В остальное время мы с тобой у всех на виду. И спасение нам одно — берёза! Если что — прижмись к ней и замри. Чёрно-белый на бело-чёрном. Вот, смотри!

Села Сорока на ствол берёзы — и как её не бывало! Так, бугорок на бело-чёрной коре. А из бугорка два сучка. Или это сорочий хвост и нос? А кто его знает, тут даже Ястребу не разглядеть.

Весёлый Крапивник

Все птицы и звери в лесу притихли — к зиме готовятся. На одного Крапивника угомону нет. По лесу шнырит, на весь лес трещит, во все щели свой нос суёт. Всех задевает, над всеми насмешничает.

Узнал, в каком дупле летучаямышь Ушан спряталась, — и туда.

— Эй, Ушан, послушай — вопрос к тебе!

— Спрашивай, пока я не уснул ещё.

— Ты, говорят, в дупле вниз головой спишь. Неужели и сны вверх ногами видишь? Хи, хи, хи...

— Ах ты бездельник!

— Хи, хи! — потешается Крапивник. — Засыпать станешь, не забудь уши под крылья спрятать. А то за зиму еще больше отвиснут!

Покричал и дальше. Разведаль, где ёж на зиму под куст залёг, уселся рядом и заорал Ежу в ухо:

— Эй, Колючкин, уснул уже? Важный к тебе вопрос — как ты ухитришься всю зиму на иголках проспать?

— Пустомеля ты!

— Хи, хи! — не унимается Крапивник. — Не забудь перед сном колючки пересчитать, а то, говорят, они у ежей не считаны!

И дальше по лесу. Видит — берлога, а в берлоге Медведь ворочается. Не уснул ещё.

— Эй, Топтыгин, спросить хочу!

— Охо-хо! — вздыхает Медведь. — Чего тебе?

— Не забыл ли лапы помыть, когда в берлогу ложился?

— Вот крапивное семя! Охо-хо...

— Хи, хи! О тебе же, Медведь, забочусь, тебе ведь лапы зимой сосать. А то говорят, что Медведь век не моется!

И дальше: с куста на куст, с валежины на валежину. Всех увидит, никого не пропустит, каждого заденет. Но на него сейчас не очень-то сердятся: на весь лес только его звонкий голосок и остался. Один он только о лете и напоминает.

Под снегом

Выпал снег, укрыл землю. Обрадовалась разная мелюзга, что никто их теперь не найдёт под снегом. Одна зверюшка даже расхвасталась:

— Угадайте, кто я? По видумышь, а немышь. Ростом с крысу, а не крыса. Жи-

ву в лесу, а называюсь Полёвкой. Я — водяная Полёвка, а попросту — водяная Крыса. Хоть я и водяная, но сижу не в воде, а под снегом. Потому что зимой и вода вся замёрзла. Не одна я сейчас под снегом сижу, многие на зиму стали подснежниками. Дождались беззаботных деньков. Вот прибегу сейчас в свою кладовую, выберу самую большую картофелину...

Тут сверху сквозь снег как ткнётся чёрный клювище: спереди, сзади, сбоку! Прикусила Полёвка язык, съёжилась и глаза зажмурила.

Это Ворон услышал Полёвку и начал тыкать клювом в снег. Походил сверху, потыкал, послушал.

— Послышалось, что ли? — буркнул. И улетел.

Полёвка перевела дух, прошептала сама себе:

— Ворон по голосу меня нашёл, сквозь снег услышал, чуть не сцапал. Надо язык за зубами держать.

Только по ходу дальше тронулась, а сверху сквозь снег лапы лисьи: так и су-

чат, так и скребут рядом — снег расшвыривают! Вот уж комья земли летят, вот уж и лисий нос в спину дует и фыркает:

— Уф, как славно мышатиной пахнет!

Кинулась Полёвка по ходу назад — со всех своих коротеньких ног. Еле спаслась. Отдышалась и думает: «Молчать буду — Ворон меня не найдёт. А как быть с Лисой? Может, в трухе травяной выкататься, чтоб дух мышинный отбить? Так и сделаю. И заживу спокойно, никто меня не найдёт».

А из отнорка — Ласка!

— Нашла я тебя, — говорит. Ласково так говорит, а глаза у самой зелёными искорками стреляют. И зубки беленькие блестят. — Нашла я тебя, Полёвка!

Полёвка в нору — Ласка за ней. Полёвка на снег — и Ласка на снег. Полёвка под снег — и Ласка под снег. Еле-еле удрала.

Только к вечеру — не дыша! — прокраслась Полёвка в свою кладовую и там — с оглядкой, прислушиваясь и принюхи-

ваясь! — картофелину с краешка позубрила. И тому была рада. И больше не хвастала, что жизнь у неё под снегом беззаботная. И под снегом ухо остро держи, и там тебя слышат и чуют.

Суд над Декабрём

Собрались птицы и звери Декабрь судить. Уж очень все от него натерпелись. Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я ночью охочусь, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

А из полыньи вдруг высовывается На-
лим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если
у меня весеннее настроение, если я к
свадьбе готовлюсь? И оживление у ме-
ня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон глазами, но судит
дальше:

— Снега в Декабре плохие: сверху не
держат и до земли не дороешься. Изму-
чились все, отощали. Кто за то, чтобы
Декабрь вместе со снегами из леса вы-
ставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высуну-
ли головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово:
скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь
остаётся.

Ворон только крылья развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а
что с Декабрём делать — неизвестно. Ос-
тавлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!..

Курорт «Сосулька»

Сидела Сорока на заснеженной ёлке и плакалась:

— Все перелётные птицы на зимовку улетели, одна я, оседлая, морозы и вьюги терплю. Ни поесть сытно, ни попить вкусно, ни поспать сладко. А на зимовке-то, говорят, курорт... Пальмы, бананы, жаренца!

И слышит вдруг голос:

— Это смотря на какой зимовке, Сорока!

— На какой, на какой — на обыкновенной!

— Обыкновенных зимовок, Сорока, не

бывает. Бывают зимовки жаркие — в Индии, в Африке, в Южной Америке, а бывают холодные — как у вас в средней полосе. Вот мы, например, к вам зимовать-курортничать с Севера прилетели. Я — Сова белая, они — Свиристель и Снегирь, Пуночка и белая Куропатка.

— Зачем же вам было из зимы да в зиму лететь? — удивляется Сорока. — У вас в тундре снег — и у нас снег, у вас мороз — и у нас мороз. Что же это за курорт?

Но Свиристель не согласен:

— У вас снега поменьше, и морозы полегче, и вьюги поласковей. Но главное — это рябина! Рябина для нас дороже всяких пальм и бананов.

И белая Куропатка не согласна:

— Вот наклююсь ивовых вкусных почек, в снег с головой зароюсь. Сытно, мягко, не дует — чем не курорт?

И белая Сова не согласна:

— В тундре сейчас спряталось всё, а у вас и мыши, и зайцы. Весёлая жизнь!

И все другие зимовщики головами кивают, поддакивают.

— Выходит, мне не плакать надо, а веселиться! Я, выходит, всю зиму на курорте живу, а даже не догадываюсь, — удивляется Сорока. — Ну и чудеса!

— Так-то, Сорока! — кричат все. — А о жарких зимовках ты не жалеешь, тебе на твоих куцых крыльях всё равно в такую даль не долететь. Живи лучше с нами!

Снова тихо в лесу. Сорока успокоилась. Прилётные зимовщики-курортники едой занялись. Ну а те, что на жарких зимовках, — от них пока ни слуху ни духу. До самой весны.

СОДЕРЖАНИЕ

Медведь и солнце	5
Чья проталина?	6
Зимние долги	12
Клёст и Дятел	14
Кто в моём доме живёт?	19
Кто такой?	24
Непослушные малыши	30
Дупляной Утёнок	34
Осень на пороге	40
Кто куда	43
Сорока и Дятел	49
Весёлый Крапивник	52
Под снегом	54
Суд над Декабрём	57
Курорт «Сосулька»	60

Для дошкольного и младшего школьного возраста

Николай Иванович Сладков

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

Художник С. Бордюг

Художественный редактор *А. Вовикова*

Компьютерная верстка *А. Смирнова*

Корректор *Н. Бучарова*

Подписано в печать 25.06.03. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 4.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсет. Тираж 8000 экз. Заказ № 2218.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, пр. 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:

(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

E-mail: strecoza@df.ru

www.strecoza.ru

